

Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Петро-нэпо-град

КАПРИЗЫ СУДЬБЫ

Покровка...

Июльское солнце вонзает свои стрелы в асфальт базарной мостовой, накаляя его до размягчения. В длинный ряд вытянулись тени недавнего прошлого — дамы из общества. Сидя на ящиках, складных стульях или ковриках, брошенных на асфальт, они продают остатки бывшего благополучия, комфорта или роскоши.

Чудесный веер из слоновой кости, расписанный кистью тонкого художника; северский фарфор, настоящие брюссельские кружева, кусок старинного гобелена; тончайшие вышивки шелком и бисером по воздушному тюлю — изящная работа прабабушек; ореховый пенал с перламутровыми инкрустациями; старинное шитье для диванных подушек; набор пуговиц от кафтана вельможи Екатерины II — больших, как карманные часы; под выпуклым стеклом какие-то жучки, камушки, ракушки; куранты, услаждавшие слух фрейлины Александровских дней, — все эти изящные безделушки и драгоценности странно видеть здесь, среди базарной суеты, на неряшливой мостовой бойкого петроградского рынка...

Идет ликвидация прошлого — медленно, изо дня в день, но неумолимо и неотвратимо. Дамы-продавщицы сидят — воспитанные, чинные, почти чопорные.

Они скупы на слова и на жесты. Когда покупатель торгуется, они отвечают со снисходительной любезной, а иногда растерянной улыбкой, но твердо и с достоинством отстаивают раз назначенную цену. Когда обращаются друг к другу, нередко слышится французская или английская речь. Минутами начинает казаться, что все это не более как занимательный маскарад — эти бла-

говоспитанные дамы под разноцветными зонтиками, с бюстом, затянутым в корсет, с руками, затянутыми в перчатки — поношенные, часто — штопанные, но все еще элегантные. Салон на базаре. Но заглянешь в выцветшие глаза, подметишь скорбную складку между бровями и вдруг от этого маскарада станет жутко. Повеет смертью и тлением и глубокой драмой. Это уже не красивая элегия «Вишневого сада»¹. Суровая, беспощадная, сверхпрозаическая расплата за грехи целых поколений... Раневская, состарившаяся, беспомощная, окончательно не приспособленная ни к какой жизни — на пыльной мостовой, продающая свой свадебный подарок — веер, чтобы прокормить сегодня себя и еще более беспомощного Гаева...

А вот сам Гаев. В потертом френче, в стоптанных башмаках, в смешной помятой панаме — он держит себя с изящным достоинством. Он галантно целует руку Раневской, как настоящий «жантильом» и на прекрасном французском языке справляется, как идут дела. В разговор вмешивается импозантная матрона в седых буклях, и вскоре беседа по-французски приобретает оживленный характер, далекий от базарных интересов и базарной суеты. Для этих — «все в прошлом». А по другую сторону рынка кишит людской муравейник, для которого «все в настоящем».

Здоровые, крепкие, краснощекие, задорно-курносые, горластые, в пестрых юбках и цветных косынках «бабы» суетятся возле жаровен. На огромных сковородах шипит поджариваемая колбаса или румянятся и пузыряются облитые яйцами и начиненные вкусно пахнущим фаршем большие французские булки. К сковородам то и дело подходят юркие, жадные, крепконогие и крепколобые «нэпманы» и немытыми руками они отправляют в свои пасти эту снедь, и здоровые челюсти перемалывают ее с силой мельничных жерновов. Тут же попутно «дела делаются» — на сотни миллионов и миллиарды... Это — нэпман-демократ. Воздух базара ему полезнее и прибыльнее атмосферы кафе Невского, где те же миллиардные сделки совершаются нэпманами благовоспитанными — в американских котелках и в штиблетах с перламутровыми пуговками и где деловой разговор ведется на тонкой деликатности. Базарный нэпман проще, и душа у него нараспашку.

Когда сделка удается — он радостно хрюкает, когда срывается — с его уст несется сочное, крепкое, как он сам, русское «словцо». Здесь «мать» звучит в воздухе так же часто и так же непринужденно, как на противоположной стороне, среди теней прошлого — изящные французские слова. И когда цветная брань

долетает до слуха Раневских — они становятся еще строже, еще замкнутее, еще тенеобразнее...

Раневские, Гаевы и нэпманы, бабы с жаровнями; севр и колбаса, салонные манеры и душа нараспашку; французская речь, покрываемая выразительным «площадным» словом, — все это сплетается в причудливую какофонию, переливается крикливо-пестрым калейдоскопом. Одна жизнь уходит, другая идет ей на смену, но ни одно мгновение не прерывается ее нить...

С шумной базарной площади я свернул на одну из ближайших впадающих в Невский — улиц. У Гостиного двора я встретил высокого, осанистого, военной «генеральской» выправки, седого человека. Он предложил мне:

— Не желаете ли сахарину? Настоящий германский сахарин профессора Фальберга.

Я взглянул на продающего и узнал в нем еще одну тень прошлого — бывшего губернатора одной из юго-восточных губерний... Последний раз, еще до революции, я видел его на волжском пароходе. Он ехал, окруженный свитой чиновников «особых и всяких иных поручений», и объяснял им разницу между обыкновенным комаром и «анофелесом», носителем малярии. Чиновники почтительно слушали, и «административный баритон» начальника приятно звучал в чистом вечернем воздухе Волги.

Теперь этот баритон звучал столь же приятными нотами во славу сахарина профессора Фальберга...

Но в нем, мне, старому журналисту, которому в дореволюционное время — «усиленных» и «чрезвычайных» охран приходилось иметь немало неприятных объяснений с губернаторами, в этом баритоне послышалась и другая знакомая нотка.

Однажды, вызвав меня для объяснений по поводу одной газетной статьи, этот приятный баритон объявил мне: — Вы оштрафованы на 500 рублей.

Когда-то я платил ему за газетные статьи, теперь заплатил за сахарин. Поистине, нет предела капризам судьбы...

СПЛЕНДИД-ПАЛАС

В воздухе клубы табачного дыма. Пахнет дорогими сигарами и уличной папиросной дешевкой. И в эту смесь табачных запахов врывается острой струей аромат духов, шелест «дензнаков», которые горами лежат на столах, покрытых зеленым сукном. А вокруг этих столов толпятся люди — мужчины и женщины,

охваченные единственно признаваемой здесь страстью — карточным азартом. Глаза горят нездоровым блеском, пальцы судорожно тянутся к ассигнациям, и каждый из игроков охвачен особенным напряженным чувством — надеждой выиграть, удачно схватить руками эти миллионы и миллиарды, чтобы бросить их вновь на стол — в новой надежде удвоить, утроить, удесятерить выигрыш.

Люди здесь не помнят себя. Их точно кто подменил. Спокойный, рассудительный, уравновешенный Иван Иванович остался где-то там дома или на Невском, в кафе, где он с солидной расчетливостью обделывает «дела»: какао меняет на подметки, подметки на автомобильные шины, автомобильные шины на золото, играя при этом наверняка на (валюте). Тут Иван Иванович — необузданный игрок, рискующий последним миллионом. Меньше стомиллионной ставки для него не существует. Он бросает на стол сизо-синюю бумажку с цифрой 10 000 с такой же легкостью, с какой у себя дома бросает в корзину письменного стола конверт прочитанного письма.

Женщины не отстают в азарте от мужчин — даже превосходят их. Вот рыжая красавица — с молочно-белой кожей, с чудесными русалочьими глазами, с пышной, артистически сделанной прической. В ушах огромные бриллианты, на изящных ногах, затянутых в шелк и великолепно лакированных, браслеты, также с бриллиантами. Бюст — в алмазах и жемчугах. Но всех этих «блестящих» эффектов ей мало: в прическе и на застежках туфельки мелкие, как жемчужины, электрические лампочки. Время от времени красавица нажимает кнопку скрытой в кармане электрической батарейки, и голова ее зажигается, точно мурава светлячками в июльскую ночь, а на ножках зажигаются звезды, как на черном южном небе.

Кто же эта рыжая красавица?

Прожигательница жизни, кокотка на содержании у кого-нибудь нэпмана, который тут же выигрывает и проигрывает сотни миллионов и миллиарды?

Сама она также играет лишь крупными суммами. Маленькая холеная ручка, закованная в золото и усыпанная драгоценными камнями, небрежно тянется к золотому с звенящими подвесками ридикюлю и вынимает пачку кредиток.

— Миллиард! — отчеканивает коралловый ротик красавицы. И когда ставка оказывается битой, тот же ротик, с такой же беспечностью, повторяет:

— Еще миллиард!

Люди подходят к столам, отходят, выигрывают и проигрывают; в соседней комнате звенят рюмки и бокалы с дорогими винами и ликерами... Денежный поток льется со стремительностью водопада, унося на своей поверхности целые состояния. А в окна притона загадочно смотрит белая ночь...

1922

